

Эволюционная борьба академика Александра Асеева

Свои 50 он встретил в глухом уголке Америки. Шестидесятилетие тоже было более чем скромным, хотя Александр Леонидович был уже директором Института физики полупроводников СО РАН. Но в канун нынешнего юбилея журналисты всё-таки «настигли»: как-никак не годится руководителю крупнейшей региональной структуры, вице-президенту Академии наук России совсем уж отмалчиваться и уходить от разговоров на личную тему. Но беседа даже в узком кругу получилась не «фанфарной», а, как всегда, проблемной...

Первый коренной сибиряк в руководстве СО РАН

Однажды он назвал себя не только настоящим сибиряком, но и потомственным железнодорожником. Родился в Улан-Удэ, там же закончил и школу. Дед работал на Транссибе машинистом, в 1952 году стал лауреатом Сталинской премии. Свою любовь к технике сумел передать через личный пример и литературу внуку. Но кроме воспитания нужно ещё нечто, что определяет нашу жизнь на много лет. Ещё совсем мальчишкой Саша Асеев собрал первый транзисторный приёмник величиной со спичечный коробок и, наверно, впервые стал победителем конкурса радиолюбителей. Напомним, что в конце 50-х — начале 60-х в стране царил повальное увлечение радиолюбительством. Гордостью и особым шиком мальчишек и подростков тех лет было иметь собственный магнитофон, ну а если ты сам сконструировал на одном диоде и триоде поскрипывающий отдалённой музыкой приёмник, ты почти что гений и твоя судьба во многом была определена.

Если поступать в вуз, то лучший в Сибири, — так он стал студентом НГУ. «Первая любовь» — полупроводники — осталась навсегда, но оказалось, что есть в мире нечто, намного увлекательнее конструирования и инженерной работы, — это была наука. Если уж заглядывать в глубину научно-технических процессов, то до самого «донышка». Через несколько лет успешно защитил кандидатскую диссертацию («Формирование дислокационной структуры монокристаллических слоёв кремния и германия на различных подложках»), а в 1990 году — докторскую («Структурные перестройки в кристаллах кремния и германия при большой скорости генерации точечных дефектов»). Даже из названия научных тем видна последовательность, к тому же на новом, «докторском» этапе — ещё более пристальный взгляд «в глубину».

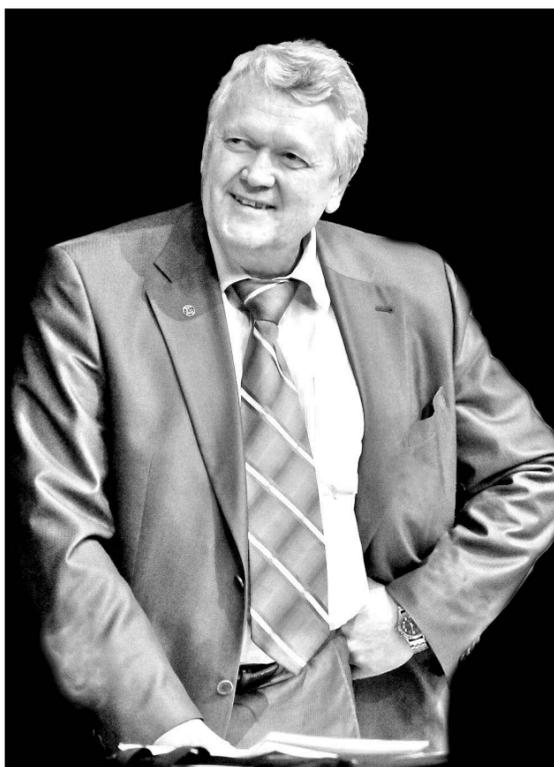
Завлаб (Александр Леонидович до сих пор считает, что это основная должность в современной науке), замдиректора института, директор (1998 год). В 80-90-х подростки и окрепли учёные, которые пришли в науку из сибирских школ. Смена поколений — процесс естественный, не всегда безболезненный. Научная элита столичных институтов и исследовательских центров, которая заложила основы Сибирского отделения, постепенно уступала главные магистральные теперь уже коренным сибирякам. Но процесс этот отнюдь не местнический, а естественный, поколенческий. Бывшие москвичи и питерцы сами, что называется, за руку приводили в науку свою смену. И лучшие представители этой смены начинали возглавлять институты, научные советы и, наконец, научные центры.

Как совместить «преемственность» и «отрицание»?

В самом конце встречи мы спросили:

— Александр Леонидович, ваша деятельность на посту председателя СО РАН три года назад началась с некоторого, хоть и негромкого, конфликта с прежним руководством. Затем сразу же после выборов в Академии, летом 2008 года, вы провели ещё одно Общее собрание Сибирского отделения РАН, где были сформулированы ваши основные стратегические задачи. Это было диалектическое «отрицание отрицания» или всё-таки эволюционный процесс?

— В науке, — сказал академик Асеев, — в принципе невозможно отрицание накопленных перед тобою знаний. Вся мировая наука — это преемственность. Три года назад мы хорошо понимали, что без неё невозможно двигаться вперёд и в решении стратегических задач, стоящих перед СО РАН. Полностью отдавая дань заслугам предшественников, (а наука старанием этих людей выжила в 90-е, начала развиваться и реформироваться в 2000-е), мы приняли развёрнутую концепцию развития СО РАН до 2025 года. Мы значительно изменили порядок планирования научно-исследовательских работ, взяв за основу востребованность их результатов в конкретной экономике. Естественно, не отрицая первопрородческую, авангардную роль фун-

даментальной науки.

Мы пошли дальше в развитии сотрудничества с регионами Сибири, с властями, с крупным бизнесом, работающим здесь (в первую очередь, конечно, с энергетическими корпорациями). Мы сами пошли во власть: выдвинули в Новосибирский городской Совет члена-корреспондента РАН Н.З. Ляхова, а в областной — члена-корреспондента РАН Н.П. Похиленко.

Действительно, связи Сибирского отделения с регионами и корпорациями крепнут. В частности, совместно с региональной и местной властями принята и реализуется программа развития Новосибирского научного центра. В настоящее время в Новосибирске претворяются в жизнь два крупных проекта ОАО «Роснано»: строительство предприятия по производству литий-ионных батарей и по производству наноструктурированной керамики, очень нужной в электротехнике. Всё это на основе разработок Института химии твёрдого тела и механохимии. При этом производственники не всегда даже помнят, что лежит в основе новых технологий. Но это пока характерная черта новой России.

В Новосибирском метрополитене действует вентиляция, разработанная в Институте горного дела, на заводе им. Чкалова работает линия нанесения особо прочных покрытий на авиационные узлы и детали, в шахтах Кузбасса внедрена автоматизированная система управления... Председатель СО РАН особо подчеркнул: КТИ научного приборостроения изготовил для ОАО «Информационные спутниковые системы им. М.Ф. Решетнёва» уникальные системы контроля параметров спутниковых антенн.

С крупными корпорациями, честно признался академик Асеев, сотрудничество хоть и развивается, но пока не такими темпами, как хотелось бы, — там свои законы бюрократии и своя, сложившаяся десятилетиями, неповоротливость. Но, начиная с должности завлаба, Асеев, как он выразился, во время командировок в Москву, бегал по эскалатору не только вниз, но и вверх, чтобы успеть на приёмы и к гостиничникам, и в ведомства, и к новым хозяевам недр.

Увлечённый научной деятельностью, он, как и большинство сотрудников СО РАН, в начале 90-х вдруг понял, что оказался совершенно без средств к существованию. Нужно было элементарно выживать. Коммерция — не для него. Помогли налаживающиеся международные связи: первый немец, руководитель технопарковой структуры в городе Дортмунде, побывавший в ИФП СО РАН, помог заключить контракт с Министерством науки и технологий Германии. В его лаборатории поняли, что их науч-

ный потенциал кое-что стоит, командировки за рубеж стали регулярными, договорные работы принесли первые серьёзные деньги: были куплены две квартиры для молодых сотрудников. Затем доктор наук Асеев становится заместителем директора института и в 1998 году, с подачи самого К.К. Свисташёва — директором («Кто, если не ты? Именно ты понял первым, как надо жить в новых условиях и зарабатывать деньги!»).

Институт физики полупроводников был первым научным учреждением в СО РАН, где средняя зарплата научного сотрудника превысила тысячу долларов...

С чем ему приходится бороться сегодня? Да с той же косностью, что и везде. Когда начинал в институте, вдвое сократил количество лабораторий и во главе трети из них поставил молодых сотрудников, имена которых сейчас известны мировой науке. Упразднил директорский фонд: да как же так, пришли к нему «аксакалы», — ты лишаешь себя рычагов влияния! Нет, он всегда предпочитал отдавать, а не просить, и постепенно приучал к этому коллектив. В том числе, и что касается приказаний вообще и, в частности, финансов: учёный сам должен уметь зарабатывать деньги, или так работать, чтобы их ему дали на «блюдечке», а не выпрашивать их.

Самодостаточность стала, пожалуй, главным лозунгом его деятельности. (Не нужно путать её с примитивной самоокупаемостью, — без госбюджета наука развиваться не может). Ставка на молодёжь — сначала в институте, потом в Сибирском отделении — становилась всё реальнее. Три года ушло на пробы в Москве идеи доступности жилья для молодых. В этом году СО РАН впервые за многие годы получит 260 ипотечных квартир на льготных условиях, вскоре начнётся строительство коттеджного посёлка. Три года напряжённых переговоров с руководством РАН, в правительстве, когда в эту борьбу были вовлечены все силы Отделения, включая не последнюю роль Совета самой научной молодёжи.

Новое время — не только деньги

И не столько деньги, — один из твёрдых постулатов академика Асеева. С молодых ногтей, своими руками он прощупал и знает систему энергетического хозяйства института и отделения и затеял долгую, упрямую борьбу за освобождение водноэнергетического ведомства Академгородка от элементарного лихоимства. Потому что ловкие люди, пользуясь бесконтрольностью, прибрали к рукам, перевели в частное юридическое лицо почти всё жизнеобеспечение Академгородка. Он последовательно выступает за развитие технопарка на взаимовыгодной основе: новые корпуса на Инженерной улице — не только для зарабатывания денег, но и для претворения в жизнь новых смелых технологических решений, — площадка-эксперимент, а не производственные цеха. Он последовательно отстаивает позицию, что земля в Верхней зоне Академгородка не должна продаваться, Новосибирский научный центр должен навсегда сохраниться как центр научный, а не полукommerческий.

Борьбы за «наследство» академика Лаврентьева переросла первичную стадию идеологии и морали: она ведётся за конкретную землю и очень хорошо просматривающиеся доходы от коммерческого использования всего того, что создано в этом уникальном месте. Это очень трудно — не только понимать, но и поддерживать, разделять такую позицию сегодня. Знающие люди в руководстве страны, в министерствах и даже за рубежом говорят: Сибирское отделение, Новосибирский научный центр только тогда будут иметь какое-то значение для науки и будущего России, пока они остаются структурой Академии наук. У Сколково, технопарков и многих внедренческих зон по России своя судьба, у Сибирского отделения — гениально предначертанная отцами-основателями — особая.

А. Надточий,
специально для «НВС»
Фото В. Новикова